

Кризис современного социального государства в условиях глобализации

The crisis of the contemporary welfare state amid globalization

DOI: 10.12737/2587-6295-2025-9-3-61-70

УДК 321.01

Получено: 20.07.2025

Одобрено: 15.08.2025

Опубликовано: 25.09.2025

Арамисов Т.Р.

Директор Центра социально-политических исследований, ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», респ. Кабардино-Балкарская, г. Нальчик

e-mail: timur_aramisov@mail.ru

Aramisov T.R.

Director of the Center for Socio-Political Studies, Kabardino-Balkaria State University named after H.M. Berbekov

e-mail: timur_aramisov@mail.ru

Шоранова З.В.

Канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры теории и технологии социальной работы, ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», респ. Кабардино-Балкарская, г. Нальчик

e-mail: pazalina@mail.ru

Shoranova Z.V.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and Technology of Social Work, Kabardino-Balkarian State University named after Kh. M. Berbekov, Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik

e-mail: pazalina@mail.ru

Аннотация

Целью настоящей работы является изучение условий, причин и направлений трансформации социального государства в условиях кризиса нормативной легитимности, вызванного изменениями в глобальных и национальных политико-экономических контекстах. Основным методом исследования выступает дискурс-анализ, позволивший выявить нормативные и концептуальные сдвиги в трактовке категорий справедливости, солидарности и ответственности. Вспомогательными методами являются герменевтический анализ философских и политологических концепций, а также элементы ретроспективного подхода для выявления эволюции идеи социального государства от классической универсалистской модели к современным фрагментированным и алгоритмически опосредованным формам социальной политики. В работе раскрывается институционально-нормативная перестройка социального государства под влиянием процессов цифровизации, управлеченской рационализации и культурной фрагментации. Делается вывод о том, что современное социальное государство утрачивает прежние универсалистские основания легитимации и переходит к гибридным моделям перераспределения и взаимодействия с гражданами. Авторами подчеркивается необходимость разработки многоуровневых, «глобальных» стратегий социальной политики, способных сочетать глобальные стандарты и локальные

практики для сохранения социальной справедливости и укрепления институциональной легитимности. *Теоретическая значимость* работы состоит в уточнении параметров кризиса нормативной легитимности социального государства и переосмысливании его концептуальных оснований. *Практическая значимость* заключается в возможности применения результатов при разработке моделей «постсоциальной» государственной политики, учитывающих современные вызовы цифровой эпохи и глобальной взаимозависимости.

Ключевые слова: социальное государство, нормативная легитимность, цифровизация, глокализация, герменевтика, социальная политика, институциональная трансформация.

Abstract

The purpose of this work is to study the conditions, causes and directions of transformation of the welfare state in the context of the crisis of normative legitimacy caused by changes in global and national political and economic contexts. The main research method is the discourse analysis, which allowed to identify normative and conceptual shifts in the interpretation of the categories of justice, solidarity and responsibility. Auxiliary methods include hermeneutic analysis of philosophical and political science concepts, as well as elements of a retrospective approach to identify the evolution of the idea of a welfare state from the classical universalist model to modern fragmented and algorithmically mediated forms of social policy. The paper reveals the institutional and regulatory restructuring of the welfare state under the influence of the processes of digitalization, managerial rationalization and cultural fragmentation. The conclusion is drawn that the modern welfare state is losing the former universalist foundations of legitimization and is shifting to hybrid models of redistribution and interaction with citizens. The authors emphasize the need to develop multi-level, "global" social policy strategies capable of combining global standards and local practices to preserve social justice and strengthen institutional legitimacy. The theoretical significance of the work consists in clarifying the parameters of the crisis of the normative legitimacy of the welfare state and rethinking its conceptual foundations. The practical significance lies in the possibility of applying the results in the development of models of "post-social" public policy, taking into account the current challenges of the digital age and global interdependence.

Keywords: welfare state, normative legitimacy, digitalization, glocalization, hermeneutics, social policy, institutional transformation.

Введение

Во второй половине XX в. социальное государство закрепилось как главный нормативный ориентир развития индустриальных и постиндустриальных обществ, обеспечивая легитимность власти через институционализацию принципов справедливости, равенства возможностей и солидарности [17, с. 45]. Его механизмами выступали перераспределение ресурсов, защита уязвимых групп и гарантированный доступ к базовым благам – здравоохранению, образованию, жилью и труду, что позволило снизить социальную напряжённость и укрепить демократические институты в послевоенной Европе.

К концу XX – началу XXI в. данная модель столкнулась с накопившимся комплексом вызовов: неолиберальная перестройка глобальной экономики, управлеченческие реформы «нового менеджеризма», демографическое старение, масштабная миграция, а также цифровизация и фрагментация рынков труда последовательно подорвали прежние универсалистские механизмы социальной защиты [10, с. 23; 19, с. 112]. Эти процессы сопровождались ростом социального расслоения, снижением доверия к традиционным институтам и падением уровня политической вовлечённости граждан, поставив под сомнение воспроизведение классической модели welfare-state.

Проблемное поле исследования возникает на стыке провозглашённого универсализма и ограниченных ресурсов национальных государств в условиях глобального капитализма: при сохранении статуса легитимирующей формулы социальное государство переживает институциональную эрозию. Вопросы жизнеспособности этой модели в сетевом, фрагментированном обществе и корректировки самого понятия «социальное» становятся

центральными для политico-философского дискурса XXI в. [16, с. 570; 22, с. 95]. Дополнительный измеритель составляет наблюдаемый сдвиг от односторонней глобализации к стратегии глокализации – поиску баланса между глобальными стандартами и локальной идентичностью, что меняет конфигурацию социальных обязательств государства.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью философского переосмыслиния сущности и функций социального государства в условиях постглобализации, цифровой экономики и усиливающейся социальной дифференциации [25, с. 70]. В отличие от сугубо прикладных экономических подходов, данная работа концентрируется на выявлении нормативных и антропологических оснований рассматриваемой трансформации.

Гипотеза исследования заключается в том, что адаптация институтов и механизмов социального государства к глобальным и глокальным вызовам становится ключевым условием сохранения его базовых ценностей – социальной справедливости и общественной легитимности.

Обзор научной литературы

Концепт социального государства формировался в русле широкой философско-политической и социологической рефлексии над природой справедливости, функциями государства и социальным контрактом. В классическом либеральном дискурсе (Дж. Локк, А. Смит, Б. Констан) государство ограничивалось задачами обеспечения безопасности, правопорядка и защиты частной собственности [25, с. 115]. Однако уже в XIX в. на фоне индустриализации и роста социального неравенства формируется критика такого минимального государства. Мыслители, связанные с социал-демократической и христианско-социальной традицией (О. фон Гирке, Л. Дюги, Э. Бернштейн), настаивали на необходимости институционализированной ответственности государства за базовое благосостояние граждан [18, с. 85–90].

Во второй половине XX в. социальное государство становится объектом нормативного анализа в рамках политической философии. Классическим считается подход Джона Ролза, предложившего теорию справедливости как честности [25, с. 145–160], в которой социальные различия допустимы лишь в том случае, если они улучшают положение наименее обеспеченных. Эта теория легла в основу аргументов в пользу перераспределительных функций государства. С противоположных позиций выступал Р. Нозик, отстаивая концепцию «минимального государства» и акцентируя недопустимость принудительного перераспределения. Эти две модели – «государство справедливости» и «государство свободы» – до сих пор задают рамки нормативной дискуссии о границах социальной ответственности государства [9, с. 40].

В более поздний период, особенно начиная с 1980–1990-х годов, в фокус научной рефлексии попадает трансформация социального государства под воздействием неолиберальной экономической политики. Работы таких авторов, как П. Бурдье [9], З. Бауман [7], У. Бек [8] и Н. Фрейзер [14], указывают на рост социальной неравномерности, символическое отчуждение маргинализированных групп и кризис универсалистской модели. Бек, например, вводит понятие «общество риска», в котором традиционные формы солидарности разрушаются, а риски индивидуализируются. Фрейзер акцентирует внимание на проблеме «параллельной несправедливости» – совмещения экономического неравенства и культурного неравенства (например, гендерного, этнического), с которой социальное государство не справляется в своей классической форме.

Особое внимание в современной литературе уделяется анализу «неолиберальной контрреволюции» и ее влиянию на институциональную природу социального государства. Такие исследователи, как Д. Харви [19], В. Браун [10], Пьер Дардо и Кристиан Лаваль [11], указывают на подмену понятий: вместо солидарности – конкуренция, вместо социальной справедливости – эффективность, вместо общего блага – индивидуальный успех. В этой связи социальное государство все чаще рассматривается не как гарант, а как управляющий субъект

в логике биовласти М. Фуко [13, с. 220], создающий «активного» гражданина, ответственного за собственное благополучие.

В российской академической среде концепт социального государства анализируется в работах как юридико-политического, так и философско-социологического профиля. Теоретические и нормативные аспекты освещены в монографии А.А. Клишаса [4, с. 95–105] и статьях Е.В. Раздъяконовой [6, с. 65–67], где подчеркивается конституционное закрепление принципа социального государства и направления его модернизации. Более критический и философски насыщенный подход представлен у И.М. Лоскутовой, М.В. Синяева, Н.А. Панич [5, с. 19–21] и А.В. Глуховой [2, с. 40–45], которые фиксируют кризис универсализма, эрозию идеи социальной солидарности и смещение фокуса с общественного на индивидуальное.

Методы

Методический инструментарий включает три качественных метода: дискурс-анализ, герменевтический метод и ретроспективный анализ. Основным выступает дискурс-анализ философско-политических текстов, посвященных концепции социального государства и отражающих ее эволюцию в либеральной, социал-демократической, неолиберальной и критической парадигмах. Этот метод позволил выявить смещение смысловых акцентов ключевых концептов (справедливость, равенство, солидарность) и изменение риторики легитимации социальной политики.

Герменевтический метод применен для интерпретации идей классических теоретиков (Дж. Ролз, Н. Фрейзер, Ю. Хабермас и др.) в контексте их эпохи, что обеспечило понимание внутренней логики развития концепции социального государства и избежание анахронизма при анализе [10; 16; 17; 25]. Дополнительно элементы ретроспективного анализа использованы для прослеживания исторической динамики института социального государства и выявления причинно-следственных связей его трансформации. Совокупность примененных методов выбрана с учетом цели исследования – раскрыть и теоретически осмыслить нормативные сдвиги, формирующие кризис современного социального государства, что требует не эмпирической проверки гипотез, а анализа категориального пересмотра в структуре актуального политического мышления.

Результаты анализа

Анализ трансформации концепта «социальное государство» в современном политико-теоретическом и публично-политическом дискурсе фиксирует существенное смещение его смысловых акцентов. Если в классических интерпретациях либеральной и социал-демократической традиции социальное государство мыслилось как институт, обеспечивающий перераспределение ресурсов, страхование от социальных рисков и нормативное утверждение справедливости и равенства в качестве базовых политico-правовых ценностей [25, с. 145–160], то в текущих условиях эти смысловые опоры подвергаются системному демонтажу. Доминирование неолиберальной парадигмы привело к тому, что современные трактовки все чаще апеллируют к идеям экономической эффективности, индивидуализированной ответственности и сокращения государственной опеки. Происходит своеобразная подмена понятий: категория «права» вытесняется категорией «услуги», а социальная поддержка – риторикой «активации» и дисциплинирующими мерами по стимулированию трудовой вовлеченности [10, с. 35–40; 19, с. 110; 24, с. 867]. Подобная редукция ценностного измерения социальной политики наблюдается как на уровне практического управления (например, в дискурсе исполнительной власти разных стран, где социальные проблемы представляются в терминах управляемости и затрат), так и в академическом поле, где концепт социального государства все чаще рассматривается сквозь призму менеджерских стратегий и механизмов поведенческого регулирования населения.

Выявленные идеологико-семантические сдвиги сопряжены с кризисом нормативной легитимности прежней универсалистской модели социального государства.

Герменевтический анализ трудов представителей критической социальной теории – Ю. Хабермаса, Н. Фрейзер, В. Браун и др. – показывает распад единого ранее нормативного основания и появление конкурирующих принципов социальной справедливости [10, с. 42–45; 16, с. 570; 17, с. 210]. Так, если в теории Хабермаса акцент делается на коммуникативной рациональности, предполагающей солидарность как результат рационального диалога в публичной сфере, то начиная с 1990-х годов происходит поворот к теоретизации различий, признанию групповых идентичностей и деконструкции универсального субъекта социальной политики. Н. Фрейзер, в частности, вводит концепцию паритетного признания и справедливого перераспределения, настаивая, что экономическая защита уязвимых групп неотделима от культурного признания и борьбы со статусным неравенством [14, с. 100].

В свою очередь, В. Браун предупреждает об опасности превращения политики справедливости в технику административного управления различиями, при которой социальная политика утрачивает эмпатию и трансформируется в инструмент бюрократического мониторинга [10, с. 45]. Кроме того, современные исследования показывают, что административные барьеры, описанные П. Херд и Д. Мойниханом, усиливают дистанцию между гражданином и социальным государством, подрывая его легитимность через дополнительную нагрузку на уязвимые группы населения [20, с. 139].

В этом смысле нынешний кризис социального государства проявляется не только в виде функциональных затруднений (дефицит ресурсов, неэффективность институтов), но прежде всего носит онтологически-нормативный характер. Исчезновение единого морально-нравственного основания солидарности подрывает символическую воспроизводимость самого института социального государства как легитимирующей формулы общественного договора. Потеря доверия к идее общего блага и справедливого распределения благ ведет к тому, что разрыв между нормативными ожиданиями граждан и реальными практиками социального управления постоянно растет.

Граждане все чаще воспринимают требования самостоятельной ответственности за благосостояние цинично, что, по выражению С. Жижека, лишь усиливает ощущение идеологического вакуума и фрагментации общества [18, с. 280]. В итоге легитимность политических институтов, ранее основанная на уверенности в их способности гарантировать справедливость и равенство, оказывается под вопросом. Это подтверждается снижением уровня доверия к государственным программам поддержки и усилением запросов на новые формы солидарности, выходящие за рамки классического патернализма государства.

Особую роль в трансформации природы социального государства играют процессы цифровизации и технократизации управления. Развитие цифровых платформ, алгоритмических систем оценки нуждаемости, автоматизация социального обслуживания и повсеместное внедрение систем социального скоринга принципиально меняют архитектуру государственной социальной политики. Применение цифрового следа (digital footprint), инструментов предиктивной аналитики и технологий больших данных формирует новый тип управляемой рациональности – поведенчески ориентированной и нацеленной на упреждающее регулирование социального порядка [12, с. 190; 26, с. 410]. В рамках этой техно-рациональности смещается акцент с правовых и этических оснований социального вмешательства на вычислительную логику, в которой сама сфера «социального» редуцируется до набора дискретных метрик, а гражданин предстает как управляемый цифровой профиль риска. Таким образом, социальное государство все более интегрируется в систему цифрового биополитического контроля, теряя прежнюю автономию и нормативную полноту в выработке решений.

Данные изменения наиболее отчетливо проявляются в политике «умного государства» (smart state), где классические социальные гарантии замещаются комплексом индивидуализированных рекомендаций, адресных субсидий и условий, зависящих от поведения индивида в цифровом пространстве [15, с. 525]. В ряде передовых государств (например, в Финляндии и Тайване) уже реализуются элементы подобных алгоритмических систем управления социальными программами: автоматизированный мониторинг занятости и

доходов получателей пособий, использование рейтингов благонадежности для распределения льгот, электронные платформы персональных социальных сервисов. Подобный техноуправленческий подход официально декларирует повышение эффективности и проактивность социальной помощи, однако фактически приводит к дальнейшей индивидуализации рисков и ответственности.

Как показывают Р. Холлер и Н. Таршиш, даже при высокой автоматизации бюрократическое взаимодействие остаётся источником фрустрации: ожидание, сбои в коммуникации и административные ошибки усугубляют неравенство в доступе к социальным благам [21, с. 141]. Гражданин в рамках «умного» социального государства превращается в объект постоянного цифрового наблюдения и оценки, что ставит новые вопросы о правах, приватности и справедливости алгоритмически принимаемых решений.

С учетом обозначенных тенденций можно выделить несколько сценариев эволюции института социального государства в XXI в.

Первый сценарий – неокорпоративистский – предполагает частичное восстановление ведущей роли государства в перераспределении ресурсов и социальной защите граждан на фоне глобальных кризисов, роста неравенства и утраты доверия к рыночным механизмам [19, с. 122; 22, с. 181]. Данный путь связан с попытками политических элит, прежде всего в Европе (что видно на примере современной социально-экономической повестки Германии), вернуться к идеям обновленного социального контракта. Речь идет о модернизации классической модели солидарности с учетом новых рисков: от экономической нестабильности до пандемических угроз. В политическом дискурсе Финляндии и ряда других стран ЕС это проявляется в укреплении программ социальной безопасности и пересмотре неолиберальных реформ в пользу большей ответственности государства за общественное благополучие. Неокорпоративистский сценарий фактически реабилитирует ценности послевоенного периода – солидарность, всеобщность и социальное партнерство – адаптируя их к современным условиям.

Второй сценарий – техноуправленческий – основывается на стратегии тотальной цифровой оптимизации социальной сферы и поведенческого моделирования граждан. Он предполагает отказ от универсальных гарантированных прав в пользу управляемой индивидуализации социальной помощи [12, с. 203; 23, с. 304; 26, с. 452]. В данной перспективе социальное государство трансформируется в «социальный монитор», минимизирующий прямое вмешательство и нацеленный на формирование у граждан правильных с точки зрения рынка моделей поведения. Этот подход получил наибольшее распространение в неолиберально ориентированных странах, где во главу угла ставится экономическая эффективность, снижение фискальной нагрузки и адресность предоставления услуг. В рамках техноуправленческого сценария социальная политика сводится к узконаправленным интервенциям, основанным на анализе данных и прогнозировании рисков: например, автоматическое приостановление выплат при выявлении «неблагонадежного» поведения без должного рассмотрения контекста. Подобная алгоритмизированная система, как отмечают критики, чревата утратой норматива справедливости, поскольку механически воспроизводит существующие социальные асимметрии и ставит под сомнение легитимность принимаемых решений.

Третий сценарий – критико-эмансипаторный, разрабатываемый в русле посткапиталистической радикально-левой теории, радикально пересматривает сами основания социальной политики. Его идеологи (М. Хардт, А. Негри, П. Дардо, К. Лаваль, С. Жижек и др.) предлагают отказаться от институционально-бюрократической модели социальной поддержки, заменив ее горизонтальными формами самоорганизации, сетевой взаимопомощи и прямой солидарности в сообществе, минуя государственные структуры как источник нормативной легитимности [6, с. 69; 18, с. 292].

В такой перспективе на смену государству всеобщего благосостояния приходит общество общего блага, где распределение ресурсов и заботы осуществляется по принципам кооперации и коллективного участия, а понятие справедливости наполняется новым

содержанием – как постоянно пересматриваемое соглашение внутри самоуправляемых сообществ. Подобные утопические проекты коммунизма XXI в. критикуют как реалисты, указывающие на сложность масштабирования горизонтальных практик, так и консерваторы, усматривающие в них угрозу разрушения устоявшихся институтов. Тем не менее, они выполняют важную функцию мыслительного эксперимента, расширяя горизонты дискуссии о будущем социального порядка.

Следует подчеркнуть, что каждый из описанных сценариев представляет собой не только гипотетическую траекторию политики, но и выражение глубокой идейной конкуренции относительно будущего социальной политики. Борьба между неокорпоративистским возрождением государства всеобщего благосостояния, технократическим его свертыванием и эманципаторным выходом за рамки государства отражает разнонаправленные ценностные установки в современном обществе. Это противостояние метанарративов (солидарность – эффективность, права – алгоритмы, государство – сеть) определяет контуры политических дебатов и практик реформирования социальной сферы в глобализованном мире.

Таким образом, результаты проведенного анализа указывают на то, что кризис современного социального государства нельзя сводить лишь к экономическим затруднениям или институциональной неэффективности. Он носит более фундаментальный характер и выражается в радикальном переопределении ключевых категорий социальной справедливости, ответственности, солидарности и управления [13, с. 258; 17, с. 409]. На смену прежнему пониманию солидарности как морально-нравственной обязанности приходит рационализация социальных рисков, а логика прав и равенства уступает место логике адаптивного менеджмента поведения.

Эти структурные изменения требуют не только политico-практической рефлексии, но и глубокой теоретико-методологической переоценки понятийного аппарата политической науки [17, с. 426; 22, с. 273]. Без обновления философских оснований социальной политики в соответствии с реалиями цифровой эпохи и глобальной фрагментации затруднительно сохранить ее легитимность и эффективность. Полученные результаты, таким образом, закладывают основу для дальнейших исследований модели «постсоциального» государства, в рамках которой должны быть переосмыслены взаимоотношения справедливости, равенства и солидарности в условиях алгоритмического управления и глобальных взаимозависимостей.

Выводы

Проведенное исследование показало, что трансформация концепта социального государства в современном политическом дискурсе представляет собой не столько институциональное ослабление его механизмов, сколько радикальный сдвиг в его нормативно-ценостных основаниях. Социальное государство утрачивает прежнюю опору на идеи универсализма, коллективной солидарности и справедливости, обретая новые черты в условиях цифровизации, управлеченческой рационализации и культурной фрагментации. Выявленные изменения требуют теоретического переосмысливания как самой природы социальной политики, так и ее политico-философских обоснований.

Интерпретация этих процессов позволяет утверждать, что в контексте нарастающего разрыва между нормативными ожиданиями и практиками социального управления происходит переопределение субъектности как в сфере государственной политики, так и в области гражданского участия. Новые формы управления социальными рисками, основанные на технологиях поведенческого анализа и цифрового мониторинга, модифицируют характер взаимодействия между государством и гражданином.

В этой связи значимость настоящей работы состоит в выявлении скрытых механизмов идеологической и институциональной эволюции, оказывающих воздействие на политическую репрезентацию социального порядка. С теоретической точки зрения, статья вносит вклад в развитие критической политической теории, уточняя параметры кризиса нормативной легитимности и моделируя возможные векторы трансформации социального государства. Практическая значимость исследования заключается в возможности применения полученных

результатов при разработке долгосрочных стратегий социальной политики, особенно в условиях цифровой трансформации государственных институтов.

В заключение следует отметить, что кризис социального государства носит не только институциональный, но и глубокий нормативно-ценостный характер. Возникающие вызовы требуют пересмотра теоретических оснований социальной политики и разработки новых практических подходов. С теоретической точки зрения назрело обновление концептуального аппарата политической науки: такие понятия, как справедливость, солидарность и ответственность, должны быть переосмыслены в контексте цифровой эпохи и глобальной взаимозависимости. В практическом плане важным шагом является формирование «глобальных» стратегий, сочетающих укрепление национальных социальных гарантий с поддержкой инициатив на местном уровне и международной координацией.

Такая многоуровневая политика способна смягчить последствия кризиса, восстановить доверие граждан и адаптировать институт социального государства к реалиям XXI в. Рекомендуется внедрять механизмы, повышающие адресность и справедливость социальной поддержки (например, прогрессивное налогообложение, общественный мониторинг социальных программ) без утраты универсальных стандартов. Кроме того, важно укреплять диалог между государством и гражданским обществом при формировании социальной повестки: совместный поиск решений и учет локальной специфики в рамках общей глобальной стратегии повысят легитимность и эффективность проводимых социальных реформ.

Следовательно, преодоление кризиса социального государства невозможно в рамках прежней вертикальной схемы «государство → гражданин». Требуется многоуровневая матрица солидарности, сочетавшая бы универсальные права, закреплённые в международных конвенциях, с механизмами локальной адаптации и участия. Такая глобализационная конфигурация позволяет восстановить легитимность перераспределения: на глобальном уровне – через согласованные показатели устойчивого развития и налоговую координацию, на национальном – через гибкие бюджеты и цифровые платформы, и на местном – через партиципаторные формы распределения ресурсов и горизонтальные сети взаимопомощи.

Литература

1. Арамисов Т.Р. Кризис современного социального государства: философский анализ причин и последствий // Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова. – Нальчик, 2023. – С. 30–34.
2. Глухова А.В. Новые кризисы, социальные размежевания, дискурсивные конфликты и проблема общественного единства в XXI веке // Политическая наука. – 2022. – № 3. – С. 36–56. – DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2022.03.02>.
3. Гришаева С.А. Социальные трансформации в условиях цифровой среды // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2020. – Т. 26. - № 1. – С. 70–81. – DOI: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2020-26-1-70-81>.
4. Клишас А.А. Современная концепция социального государства. Монография. – М.: Норма; ИНФРА-М, 2023. – 224 с.
5. Лоскутова И.М., Синяев М.В., Панич Н.А. Кризис социального государства и риски эволюции социальной структуры // Теория и практика общественного развития. – 2020. – № 5 (147). – С. 18–22. – DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2020.5.2>.
6. Раздъяконова Е.В. Принципы современного социального государства в контексте конституционной модернизации // Гражданин. Выборы. Власть. – 2023. – № 3(29). – С. 64–73.
7. Bauman Z. Liquid Modernity. Cambridge: Polity Press, 2000. – 228 p.
8. Beck U. Risk Society: Towards a New Modernity. London: Sage, 1992. – 260 p.
9. Bourdieu P. Acts of Resistance: Against the New Myths of Our Time. Cambridge: Polity Press, 1998. – 108 p.

10. Brown W. *Undoing the Demos: Neoliberalism's Stealth Revolution*. New York: Zone Books, 2015. – 45 p.
11. Dardot P., Laval C. *The New Way of the World: On Neoliberal Society*. London: Verso, 2013. – 304 p.
12. Eubanks V. *Automating Inequality: How High-Tech Tools Profile, Police, and Punish the Poor*. New York: St. Martin's Press, 2017. – 288 p.
13. Foucault M. *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*. New York: Vintage, 1977. – 333 p.
14. Fraser N. *Scales of Justice: Reimagining Political Space in a Globalizing World*. New York: Columbia University Press, 2008. – 224 p.
15. Fukuyama F. *Political Order and Political Decay: From the Industrial Revolution to the Globalization of Democracy*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2014. – 658 p.
16. Glasius M. Solidarity in the age of platforms. *European Journal of Social Theory*. 2022, V. 25(4), pp. 567–586. DOI: 10.1177/13684310221076309.
17. Habermas J. *Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy*. Cambridge: MIT Press, 1996. – 676 p.
18. Hardt M., Negri A. *Commonwealth*. Cambridge: Harvard University Press, 2009. – 434 p.
19. Harvey D. *A Brief History of Neoliberalism*. Oxford: Oxford University Press, 2005. – 256 p.
20. Herd P., Moynihan D.P. Administrative Burdens in the Social Safety Net. *Journal of Economic Perspectives*. 2025. V. 39, I. 1, pp. 129–150. DOI: <https://doi.org/10.1257/jep.20231394>.
21. Holler R., Tarshish N. Administrative Burden in Citizen-State Encounters: The Role of Waiting, Communication Breakdowns and Administrative Errors. *Social Policy and Society*. 2022. V. 23, I. 3, pp. 593–610. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1474746422000355>.
22. Jessop B. *The Future of the Capitalist State*. Cambridge: Polity Press, 2002. – 279 p.
23. Morozov E. *To Save Everything, Click Here: The Folly of Technological Solutionism*. London: Allen Lane, 2013. – 368 p.
24. Peeters R., Widlak T. Administrative exclusion in the infrastructure-level bureaucracy: lessons from the Dutch day-care benefit scandal. *Public Administration Review*. 2023, V. 83, I. 4, pp. 863–877. DOI: <https://doi.org/10.1111/puar.13615>.
25. Rawls J. *A Theory of Justice*. Cambridge: Harvard University Press, 1971. – 607 p.
26. Zuboff, S. *Surveillance Capitalism or Democracy? The Death Match of Institutional Orders and the Politics of Knowledge in Our Information Civilization*. *Organization Theory*, 2022, V. 3, I. 79, pp. 1–38. DOI: <https://doi.org/10.1177/26317877221129290>.

References

1. Aramisov T.R. *Krizis sovremennoogo sotsial'nogo gosudarstva: filosofskiy analiz prichin i posledstviy*. [The crisis of the contemporary welfare state: a philosophical analysis of causes and consequences]. Sbornik statey Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem. Kabardino-Balkarskiy gosudarstvennyy universitet im. Kh.M. Berbekova [Proceedings of the All-Russian Scientific-Practical Conference with International Participation. Kabardino-Balkarian State University]. Nalchik, 2023, pp. 30–34. (In Russian).
2. Glukhova A.V. *Novye krizisy, sotsial'nye razmezhevaniya, diskursivnye konflikty i problema obshchestvennogo edinstva v XXI veke*. [New crises, social cleavages, discursive conflicts and the problem of public unity in the 21st century]. Politicheskaya nauka [Political Science]. 2022, I. 3, pp. 36–55. DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2022.03.02>. (In Russian).
3. Grishaeva S.A. *Sotsial'nye transformatsii v usloviyakh tsifrovoy sredy*. [Social transformations in a digital environment]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya [Moscow University Bulletin. Series 18: Sociology and Political Science]. 2020, V. 26, I. 1, pp. 70–81. – DOI: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2020-26-1-70-81>. (In Russian).
4. Klishas A.A. *Sovremennaya kontsepsiya sotsial'nogo gosudarstva* [The modern concept of the welfare state]. Moscow: Norma; INFRA-M Publ., 2023. 224 p. (In Russian).

5. Loskutova I.M., Sinyaev M.V., Panich N.A. Krizis sotsial'nogo gosudarstva i riski evolyutsii sotsial'noy struktury. [The crisis of the welfare state and risks of the evolution of the social structure]. Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya [Theory and Practice of Social Development]. 2020, I. 5 (147), pp. 18–22. DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2020.5.2>. (In Russian).
6. Razdyakonova E.V. Printsipy sovremennoogo sotsial'nogo gosudarstva v kontekste konstitutsionnoy modernizatsii. [Principles of the modern welfare state in the context of constitutional modernization]. Grazhdanin. Vyborg. Vlast' [Citizen. Elections. Power]. 2023, I. 3, pp. 64–73. (In Russian).
7. Bauman Z. Liquid Modernity. Cambridge: Polity Press Publ., 2000. 228 p.
8. Beck U. Risk Society: Towards a New Modernity. London: Sage, 1992. 260 p.
9. Bourdieu P. Acts of Resistance: Against the New Myths of Our Time. Cambridge: Polity Press Publ., 1998. – 108 p.
10. Brown W. Undoing the Demos: Neoliberalism's Stealth Revolution. New York: Zone Books Publ., 2015. 45 p.
11. Dardot P., Laval C. The New Way of the World: On Neoliberal Society. London: Verso Publ., 2013. 304 p.
12. Eubanks V. Automating Inequality: How High-Tech Tools Profile, Police, and Punish the Poor. New York: St. Martin's Press Publ., 2017. 288 p.
13. Foucault M. Discipline and Punish: The Birth of the Prison. New York: Vintage Publ, 1977. 333p.
14. Fraser N. Scales of Justice: Reimagining Political Space in a Globalizing World. New York: Columbia University Press Publ., 2008. 224 p.
15. Fukuyama F. Political Order and Political Decay: From the Industrial Revolution to the Globalization of Democracy. New York: Farrar, Straus and Giroux Publ., 2014. 658 p.
16. Glasius M. Solidarity in the age of platforms. European Journal of Social Theory. 2022, V. 25, I. 4, pp. 567–586. DOI: 10.1177/13684310221076309.
17. Habermas J. Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy. Cambridge: MIT Press Publ., 1996. 676 p.
18. Hardt M., Negri A. Commonwealth. Cambridge: Harvard University Press Publ., 2009. 434 p.
19. Harvey D.A Brief History of Neoliberalism. Oxford: Oxford University Press Publ., 2005. 256p.
20. Herd P., Moynihan D.P. Administrative Burdens in the Social Safety Net. Journal of Economic Perspectives. 2025. V. 39, I. 1, pp. 129–150. DOI: <https://doi.org/10.1257/jep.20231394>.
21. Holler R., Tarshish N. Administrative Burden in Citizen-State Encounters: The Role of Waiting, Communication Breakdowns and Administrative Errors. Social Policy and Society. 2022. V. 23, I. 3, pp. 593–610. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1474746422000355>.
22. Jessop B. The Future of the Capitalist State. Cambridge: Polity Press Publ., 2002. 279 p.
23. Morozov E. To Save Everything, Click Here: The Folly of Technological Solutionism. London: Allen Lane Publ., 2013. 368 p.
24. Peeters R., Widlak T. Administrative exclusion in the infrastructure-level bureaucracy: lessons from the Dutch day-care benefit scandal. Public Administration Review. 2023, V. 83, I. 4, pp. 863–877. DOI: <https://doi.org/10.1111/puar.13615>.
25. Rawls J. A Theory of Justice. Cambridge: Harvard University Press Publ., 1971. 607 p.
26. Zuboff S. Surveillance Capitalism or Democracy? The Death Match of Institutional Orders and the Politics of Knowledge in Our Information Civilization. Organization Theory. 2022, V. 3, I. 79, pp. 1–38. DOI: <https://doi.org/10.1177/26317877221129290>.